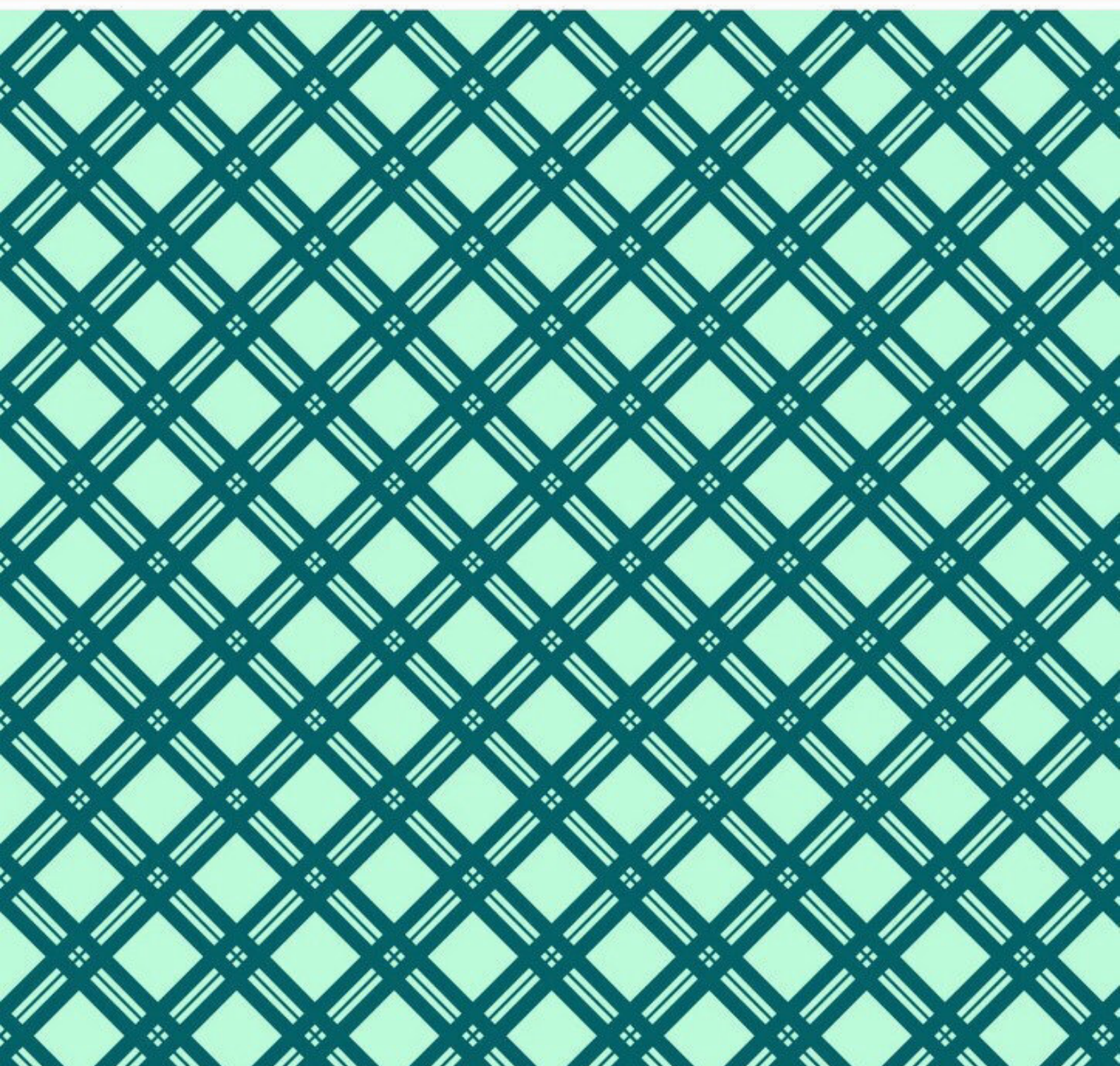

18+

ЯРОСЛАВ НИКИТИЧ ЗОЛОТАРЕВ

Единственный ясный день

Ярослав Золотарев

Единственный ясный день

«Издательские решения»

Золотарев Я. Н.

Единственный ясный день / Я. Н. Золотарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691702-6

«Единственный ясный день» — психологическая повесть о человеке, который постепенно отказывается от себя, стараясь быть удобным и не создавать проблем. Живя на окраине мегаполиса, он принимает любовь как награду, молчание — как норму, а стабильность — как замену выбору. Единственный солнечный день лета становится моментом ясности, в котором невозможно солгать себе.

ISBN 978-5-00-691702-6

© Золотарев Я. Н.
© Издательские решения

Содержание

Единственный ясный день	6
Глава 2. Тепло	8
Глава 3. Быть удобным	11
Глава 4. Моя вина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Единственный ясный день

Ярослав Никитич Золотарев

© Ярослав Никитич Золотарев, 2026

ISBN 978-5-0069-1702-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Единственный ясный день

Глава 1. Окраина

Дождь в этом городе не начинается – он просто оказывается.

Как будто его не включают, а забывают выключить. С утра он был мелким, почти незаметным, но к полудню стал плотнее, увереннее, и от этого казалось, что день уже прожит, хотя ещё не начался.

Я вышел из дома и сразу понял, что промокну. Это знание не раздражало – оно было привычным. Я обошёл лужу у подъезда, потом ещё одну, потом третью, и всё равно наступил в воду. Ботинки промокли быстро. Холод поднимался от подошв вверх, медленно, без спешки. Я отметил это только на остановке, когда стало понятно, что сегодня он дойдёт до колен.

Я живу на окраине. Не совсем за городом, но и не в нём. Здесь никто не задерживается надолго. Люди либо уезжают ближе к центру, либо дальше – туда, где частные дома и тишина. Я остаюсь. Не потому что нравится, а потому что не приходится объяснять, почему не уехал.

В автобусе было тепло и тесно. Кто-то говорил по телефону, кто-то смотрел в окно, кто-то спал стоя. Я держался за поручень и старался не задеть никого плечом. Когда автобус резко дёрнулся, я сказал «извините», хотя никто не упал и даже не повернулся.

Это произошло автоматически.

Работа начиналась рано. Я приходил раньше остальных – не потому что так требовали, а потому что в пустом помещении легче дышалось. Можно было включить свет, поставить кружку, проверить почту и немного посидеть, не изображая вовлеченность.

Я хорошо делал своё дело. Это знали. Иногда даже говорили – коротко, между задачами. Я кивал и отвечал, что ничего особенного. Потом возвращался к своему столу и чувствовал облегчение, будто от меня временно отстали.

Сообщение от неё пришло ближе к полудню.

Ты сегодня поздно?

Я посмотрел на экран дольше, чем нужно.

Ответил сразу:

Постараюсь не задерживаться.

Она прочитала, но не ответила.

И всё равно я почувствовал благодарность – за то, что написала первой.

Вечером дождь усилился. Город стал плоским, отражённым в лужах. Я вышел из автобуса и пошёл пешком, хотя мог пересечь. Это расстояние – двадцать минут между работой и домом – всегда было для меня безопасным. Здесь можно было ни с кем не говорить.

Когда я открыл дверь квартиры, она была на кухне. Свет горел только там, остальные комнаты тонули в полумраке.

– Ты промок, – сказала она, не оборачиваясь.

– Ничего, – ответил я. – Сейчас переоденусь.

Я снял куртку аккуратно, повесил так, чтобы с неё не капало. В ванной выжал рукава, стараясь не шуметь. Потом вышел и сел напротив неё.

Она ела медленно, глядя в телефон.

– Ты опять задержался, – сказала она.

– Немного, – сказал я. – Прости.

Она подняла глаза.

– Я не просила извиняться.

– Я знаю, – сказал я.

Мы замолчали. Я подумал, что можно сказать что-нибудь ещё – про дождь, про автобус, про работу. Но не стал. Иногда тишина безопаснее слов.

Она допила чай и встала.

– Я устала, – сказала она. – Завтра рано вставать.

– Конечно, – сказал я. – Я сейчас всё уберу.

Она кивнула.

Это было похоже на разрешение.

Когда я остался один, я помыл кружки, вытер стол и погас свет. В комнате было темно и тихо. Я сел на край кровати и посмотрел в окно. Дождь продолжался – ровный, настойчивый.

Я подумал, что лето в этом городе всегда начинается одинаково – с обещаний и воды.

И что я давно живу так же:

осторожно, благодарно, стараясь не быть лишним.

Я лёг, стараясь не разбудить её, и почти сразу услышал её дыхание – ровное, спокойное.

Я почувствовал облегчение.

Ещё один день прошёл правильно.

Глава 2. Тепло

Тепло появляется не сразу. Оно не входит – его выдают. Как разрешение, которое можно отозвать. Я всегда чувствовал это заранее и поэтому старался не двигаться резко, когда оно возникало. В такие моменты кажется, что даже дыхание может всё испортить.

На следующий день дождь не закончился. Он просто стал другим – ровнее, гуще, будто город договорился с ним о постоянстве. Я вышел раньше обычного и зашёл в маленький киоск у метро. Там всегда был горячий кофе и плохо держащиеся крышки. Я взял стакан с ванильным сиропом – не потому что был уверен, а потому что когда-то она сказала, что он «нормальный». Я запомнил это.

Я нёс стакан осторожно, думая, как именно поставлю его на стол. Справа или слева. Ближе к ней или у края. Такие вещи я продумывал заранее – не из педантизма, а из страха ошибиться там, где нельзя ошибаться.

Она сидела на кухне и смотрела в окно. Без телефона. Это было неожиданно. Я остановился в дверях, как будто увидел что-то хрупкое.

– Я купил тебе кофе, – сказал я.

Сказал так, словно предлагал помощь, о которой не просили.

Она повернулась, посмотрела на стакан, потом на меня.

– Спасибо, – сказала она.

Одно слово. Но в нём было что-то, чего раньше не было. Не тепло – допуск. Я почувствовал, как внутри появляется точка, маленькая, но живая.

– Там ванильный, – добавил я. – Как ты любишь.

Я не был уверен, что она любит ваниль. Но в такие моменты уверенность не требовалась. Достаточно было старания.

Она сделала глоток.

– Нормально, – сказала она.

Я сел напротив. Мы пили кофе молча. Мне казалось, что между нами возникло равновесие – тонкое, как стекло. Я боялся его нарушить. В такие моменты я всегда думал: вот так и должно быть. Без выяснений. Без напряжения. Ради этого можно многое потерпеть.

– Ты сегодня рано, – сказала она.

– Да, – ответил я. – Удалось выйти вовремя.

– Хорошо.

Я запомнил интонацию. Она была важнее слова.

После завтрака она не ушла сразу. Осталась сидеть. Я мыл кружки медленно, прислушиваясь к её дыханию. Знать, что она здесь и не торопится, было странно приятно.

– Ты сегодня сможешь забрать посылку? – спросила она.

– Конечно, – сказал я сразу.

– Там до семи.

– Я подстроюсь.

Слово вырвалось само. Я заметил это и не стал исправлять. Оно звучало правильно.

– Спасибо, – сказала она.

Я кивнул. Сказать «пожалуйста» показалось лишним. Иногда благодарность лучше не перегружать ответом.

Весь день я носил это «спасибо» внутри. Оно грело. Я работал быстрее, точнее, внимательнее, будто получил доказательство, что всё не зря. Когда начальник спросил, смогу ли я взять ещё одну задачу, я согласился без паузы. Это было легко. Нужность иногда заменяет достоинство.

В обед коллеги звали меня с собой. Я отказался. Мне нужно было успеть за посылкой. Мне важно было вернуться домой вовремя. Когда появляется тепло, его нельзя оставлять без присмотра.

К вечеру дождь на минуту стих. Я вышел из офиса и пошёл быстрее обычного. Дорога показалась короче. В такие моменты город будто уступает.

Очередь в пункте выдачи была длинной. Люди раздражались, проверяли телефоны, вздыхали. Я не раздражался. Терпение – моя сильная сторона. Иногда мне кажется, что если бы терпение можно было обменять на что-то более весомое, я давно бы расплатился.

Коробка оказалась лёгкой. Это почему-то разочаровало. Я тут же одёрнул себя: какая разница? Главное – я сделал всё правильно.

Дома было тихо. Я поставил коробку аккуратно у стены, снял куртку, вытер обувь. Я хотел, чтобы всё выглядело готовым. Даже протёр стол, хотя он и так был чистым.

Она пришла позже.

– Я устала, – сказала она.

– Я забрал посылку, – сказал я.

– Отлично. Где?

– Здесь.

Она открыла коробку, заглянула внутрь.

– Спасибо, – сказала она. – Ты очень выручил.

Очень.

Слово откликнулось сразу.

– Рад, – сказал я. – Правда.

Она посмотрела на меня чуть дольше обычного.

– Ты сегодня спокойный, – сказала она.

– Просто день нормальный, – ответил я.

Она кивнула и вдруг коснулась моей руки. Легко, почти случайно.

– Давай поужинаем вместе, – сказала она. – Я ещё не ела.

Внутри всё сжалось и расправилось одновременно.

– Конечно, – сказал я. – Я сейчас приготовлю.

– Не надо, – сказала она. – Закажем.

Это был жест. Маленький, но значимый. Я почувствовал себя одарённым без повода.

Мы ели за столом. Она рассказывала о работе, я слушал. Я старался не перебивать, не добавлять лишнего. Когда она смеялась, я смеялся тоже. Смех – это форма согласия.

– Ты сегодня внимательный, – сказала она.

– Я всегда внимательный, – ответил я и тут же пожалел. Это прозвучало как защита.

– Сегодня особенно, – сказала она.

Я принял это как комплимент. Хотя где-то внутри мелькнула мысль: значит, в другие дни – недостаточно.

Когда она сказала, что пойдёт спать, я почувствовал пустоту. Терпимую. В ней ещё оставалось эхо тепла.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной, – ответил я.

Я убрал со стола, помыл посуду. Всё было как всегда. Но внутри – нет. Внутри я держал этот день, как хрупкую вещь, боясь уронить.

Лёжа в темноте, я думал о том, как мало на самом деле нужно, чтобы я почувствовал себя нужным. Один взгляд. Одно «спасибо». Одно прикосновение.

И мне было хорошо.

И одновременно – страшно.

Потому что если тепло – награда, значит, есть и условия.

И если я перестану их выполнять, свет снова погаснет.

Я заснул с этой мыслью, стараясь не думать о том, сколько именно я готов за это заплатить.

Глава 3. Быть удобным

Я не заметил момента, когда старание стало фоном. Оно не оформилось в решение, не сопровождалось мыслью «теперь я буду таким». Оно просто постепенно заняло всё пространство, вытеснив остальное. Как мебель, которую передвинули на несколько сантиметров – сначала не видно, а потом уже не помнишь, где было раньше.

После того дня я начал просыпаться с одной и той же внутренней проверкой: не испортить. Не сделать лишнего. Не сказать не то. Тепло, которое она дала, оказалось слишком редким, чтобы относиться к нему без осторожности. Я обращался с ним, как с чем-то временным, что могут забрать, если держать недостаточно аккуратно.

Я стал внимательнее. Не в смысле – заботливее. Скорее – настороженнее. Я замечал, как она закрывает дверь, как ставит чашку, как снимает обувь. По этим мелочам я пытался понять, в каком она сегодня состоянии и какие слова сейчас допустимы. Это было похоже на изучение языка, у которого нет правил, но есть последствия.

Если она молчала – я молчал тоже.

Если отвечала коротко – я сокращал ответы ещё больше.

Если раздражалась – я извинялся заранее, не дожидаясь причины.

Иногда я ловил себя на том, что прошу прощения мысленно. Ещё до того, как что-то произошло. Как будто мир работал по простой схеме: если я признаю вину первым, удар будет слабее. Или его не будет вовсе.

Однажды вечером она сказала:

– Ты можешь не оставлять вещи в коридоре?

Сказала спокойно. Без упрёка. Просто обозначила.

– Конечно, – ответил я. – Прости.

Она посмотрела на меня.

– Я не злюсь, – сказала она. – Зачем ты извиняешься?

Вопрос был простым. И именно поэтому опасным.

– Так... на всякий случай, – сказал я и попытался улыбнуться.

Она вздохнула. Не тяжело – скорее устало.

– Ты иногда ведёшь себя так, будто ждёшь наказания, – сказала она.

Фраза задела. Не больно – точно. Я не нашёлся, что ответить.

– Я просто не хочу проблем, – сказал я.

– Проблемы появляются, когда ты из всего делаешь проблему, – сказала она.

Это звучало логично. И я тут же согласился. Внутри. Вслух я сказал:

– Я понял.

И я действительно понял. По-своему.

Надо быть тише. Проще. Незаметнее.

Я стал задерживаться на работе. Не потому, что там было лучше – просто возвращаться позже иногда означало меньше разговоров. Я объяснял это заботой: она устала, ей нужно пространство. А мне – не мешать.

Когда она просила что-то сделать, я делал сразу. Без уточнений. Без пауз. Отказ даже в мелочи казался рискованным – как если бы равновесие могло не выдержать.

– Ты не обязан всё это делать, – сказала она однажды, когда я мыл пол поздно вечером.

– Мне не сложно, – ответил я.

– Я не говорю, что сложно. Я говорю – не обязан.

Я выпрямился, держа тряпку в руках, и почувствовал пустоту. Если я не обязан – тогда зачем? Если это не обязанность, а выбор, значит, я могу выбрать иначе. А это уже ответственность.

– Мне так спокойнее, – сказал я.

Она пожала плечами.

– Как хочешь.

Это было разрешение.

И одновременно – выход из диалога.

Я перестал говорить о себе. Не специально – просто темы, которые касались меня, стали казаться неуместными. Слишком личными. Слишком требующими отклика. Я оставлял их при себе, как тяжёлую сумку, которую неудобно ставить на общий стол.

Когда она спрашивала: «Как день?» – я отвечал: «Нормально».

Если день был плохим – я не говорил.

Если хорошим – тоже. Радость тоже может быть неудобной, если она не совпадает.

Я начал фильтровать мысли ещё до того, как они становились словами. Прежде чем что-то сказать, я проверял: не создаст ли это лишний разговор, не потребует ли реакции, не нарушит ли спокойствие. Большинство фраз отсекались на входе.

Иногда мне казалось, что я живу в черновике. А чистовой вариант – где-то потом, если будет нужно.

В выходной она предложила сходить в центр. Это было неожиданно. Я согласился сразу, хотя внутри всё сжалось. Центр требовал присутствия – взгляда, реакции, живости. Всего того, от чего я постепенно отвыкал.

Мы шли по шумной улице. Она – уверенно. Я – на полшага сзади. Я знал, что это незаметно, но всё равно держал дистанцию, как будто близость могла оказаться лишней.

– Ты можешь идти рядом, – сказала она, не оборачиваясь.

– Да, – сказал я и ускорился.

– Ты опять извиняешься? – спросила она.

– Нет, – сказал я. – Просто ответил.

Она остановилась и посмотрела на меня внимательно.

– Ты вообще умеешь говорить «нет»? – спросила она.

Вопрос завис между нами. Люди обходили, кто-то задел меня плечом, и я автоматически сказал «извините» – кому-то другому.

– Наверное, – сказал я. – Если нужно.

Она усмехнулась.

– Вот именно.

Я хотел возразить. Сказать, что я просто гибкий. Что стараюсь. Что это нормально – идти навстречу. Но любое объяснение звучало как оправдание, а оправдываться я устал.

– Пойдём, – сказала она. – Холодно.

Я кивнул.

Кивать было проще всего.

Вечером, уже дома, я поймал себя на странной мысли: если я вдруг перестану быть таким, каким стал сейчас, она заметит это быстрее, чем если я исчезну совсем. Эта мысль была пугающей и удивительно логичной.

Я лежал в темноте и прокручивал день. Я нигде не ошибся. Не сказал лишнего. Не сделал ничего, что могло бы вызвать раздражение. Всё было правильно.

И всё равно внутри росло ощущение, будто меня стирают. Не резко – аккуратно. Слой за слоем. Чтобы не осталось пустоты.

Я подумал: может, так и должно быть.

Может, любовь – это когда ты принимаешь форму другого человека.

Может, я просто учусь.

Эта мысль успокаивала.

Пока я не задал себе вопрос, который тут же отложил:

а что останется, когда форма станет идеальной?
Я заснул, не пытаясь ответить.

Глава 4. Моя вина

Есть чувство, которое появляется раньше мысли. Оно не формулируется, не требует доказательств. Оно просто есть – как фоновый шум, который слышишь только тогда, когда становится тише. Я проснулся с этим чувством и сразу понял: что-то не так. И почти автоматически – что это из-за меня.

Я лежал и слушал, как она собирается. Шаги, звук воды, короткий стук дверцы шкафа. Всё было привычно, но между этими звуками была пауза, в которой я уже начал искать причину. Я перебирал вчерашний вечер, слова, интонации, моменты, где мог ошибиться. Ничего явного не находил – и это пугало больше всего.

– Ты встаёшь? – спросила она из кухни.

– Да, – ответил я сразу. – Сейчас.

Я встал резко, как будто опаздывал. Спешка всегда казалась мне хорошей формой извинения. Я вышел к ней, стараясь двигаться тише обычного. В такие утра мне казалось, что любое лишнее движение может усилить напряжение.

Она молчала. Не демонстративно – просто не говорила. Это было хуже слов. Слова дают границы, молчание – нет. В нём можно быть виноватым бесконечно.

– Ты плохо спала? – спросил я.

– Нормально, – ответила она.

Слово не означало «хорошо». Оно означало: не продолжай.

– Кофе будешь? – спросил я.

– Нет.

– Чай?

– Нет.

Я кивнул, хотя она на меня не смотрела. Кивать стало привычным жестом – подтверждением того, что я понял правила.

Мы собирались молча. В какой-то момент она сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.